

RU

Гедонизм и образование: диалектика взаимосвязи

Кулешов В. Е.

Аннотация. Цель статьи - выявление взаимосвязи уровня образованности, духовности индивида и реализации им гедонизма как одной из смысложизненных ценностей. Удовольствие определяется как процесс и результат удовлетворения актуальной потребности. Биологические потребности ограничены природой. Духовные же формируются в процессе образования человека. Их гедонистическая иерархия соответствует иерархии ценностей, высшими из которых являются ценности смысла жизни. Прийти к пониманию их объективного значения возможно через образование, формирующее не «цивилизованного потребителя», а творческую личность. Научная новизна положений исследования, раскрывающих диалектику образованности и счастья человека разумного, детерминирует одновременно актуальность практических мер по переориентации содержания российского образования с начетнической алгоритмизации на творчество во всех его аспектах.

EN

Hedonism and Education: Interrelation Dialectic

Kuleshov V. E.

Abstract. The purpose of the article is to identify interrelation between the level of education, spirituality of an individual and their exercise of hedonism as one of the values related to life's purpose. Pleasure is defined as a process and result of satisfying an urgent need. Biological needs are limited by nature. Spiritual ones are formed in the process of education. Their hedonistic hierarchy corresponds to the hierarchy of values, the highest of which are the values of life's purpose. It is possible to come to understand their objective meaning through education that forms not a "civilised consumer" but a creative individual. Scientific novelty of the study provisions, which shed light on dialectic of the education level and happiness of Homo sapiens, at the same time determines relevance of practical measures to reorient the content of the Russian education from doctrinarian algorithmisation to creativity in all its aspects.

Введение

Каждый пришедший в этот мир человек стремится быть счастливым. Мера же счастья homo sapiens коррелирует с уровнем его мышления. В процессе социализации, наряду с общественными отношениями, решающую роль в становлении личности играет образование, формирующее творческое мышление и духовные потребности, которые расширяют гедонистическое поле жизни, так как их удовлетворение превращает ее в осмысленную, объективно ценную, что детерминирует широкий диапазон положительных эмоциональных ощущений. Актуальность темы определяется следующими основными факторами. Во-первых, несмотря на аксиоматичность понимания значимости получения удовольствия от процесса жизни, превращение этого понимания в практический результат является проблематичным без философского осмысления данной проблемы. Во-вторых, постперестроечная идеология, направленная на формирование мировоззрения цивилизованного потребителя, суживает спектр духовных запросов индивида, что объективно не способствует его максимальной самореализации как homo sapiens. В-третьих, абстрагирование современных социально-экономических отношений от нравственных принципов и оценок стимулирует в межлических отношениях конфликтность, что превращает их в лучшем случае в дискомфортные. При проведении исследования потребовалось решить следующие задачи: 1) проанализировать спектр потребностей индивида и выявить их значимость и иерархию для человеческого сознания; 2) исследовать взаимосвязь образованности (уровня развития духовности) человека и степени, характера эмоциональной интроспекции удовлетворения тех или иных потребностей; 3) вскрыть диалектику российской образовательной системы и гедонистической аксиологии потребностей личности, формируемых ею. Научная новизна исследования заключается в выявлении: а) аксиологической иерархии потребностей в их гедонистическом спектре; б) объективной значимости образования индивида,

его интеллектуального и нравственного развития для максимальной реализации смысла жизни как неотъемлемого условия человеческого счастья. Решаемые задачи требовали применения методов диалектики, герменевтики, компаративизма, а также изучения документов, социологических опросов и др. Теоретической основой явились произведения видных мыслителей прошлого и настоящего, касающиеся вечных человеческих проблем (смысла жизни, долга, нравственности, счастья и др.). Выявление расхождения между должным и сущим в современном образовании позволило постулировать практические меры, направленные на смещение акцентов в его содержании с алгоритмизации на творчество, исходя из смысложизненных ценностей человека; эти же ценности требуют перехода от идеологии «цивилизованного потребителя» к пропаганде нравственного смысла жизни как условия счастья индивида и прогрессивного развития социума.

Потребности и их гедонистический потенциал

То, что любой нормальный человек желает получать от жизни удовольствия, а не мучения, является аксиомой. В связи с этим на обыденном уровне мышления находится немало гедонистов, которые получение максимума удовольствий возводят в ранг жизненной цели. Но именно среди них (если бы полученные в жизни удовольствия можно было измерить) оказался бы наибольший процент обделенных плодами наслаждения, а значит, в конечном итоге – несчастных людей. Данная ситуация в духовном мире человека оставалась перманентной в течение тысячелетий; она, казалось бы, достаточно убедительно разъяснялась, разрешалась на уровне теории великими умами, но во все времена между теоретической убедительностью философии и реальными судьбами миллионов оставалась непреодолимая пропасть из материальных и идеологических условий существования этих самых миллионов.

Необходимо заметить, что философский дискурс в русле этой проблемы в разные времена и в разных странах не был абстрагирован от тех социально-экономических реалий, в которых находились люди; мыслители рисовали объективную картину материального и духовного бытия различных слоев (страт) населения и устанавливали детерминацию потребностей индивида степенью развития и характером интеллектуальной сферы сознания, которая, в свою очередь, диалектически увязывалась с нравственными ценностями, то есть с необходимостью отвечать на вопросы: «Что есть добро, благо для человека? Зачем и как я должен жить на этом свете?».

Широкий спектр эвдемонизма как философского поля констатации и обоснования атрибутов счастливой человеческой жизни, естественно, не мог не фиксировать субъективного характера этих самых атрибутов: каждый человек уникален, и существует множество факторов, влияющих на эмоциональную окраску ощущений проживаемого индивидуального бытия. Но в таком случае существуют ли основания претендовать на выявление объективных аспектов в содержании счастья человека? Философия отвечает на этот вопрос утвердительно. Так как удовольствие мы определяем как процесс и результат удовлетворения актуальной потребности, речь должна идти о выявлении количества и содержания диапазона потребностей у того или иного индивида, об определении их аксиологической иерархии.

У *homo sapiens*, как и у «братьев наших меньших», имеются биологические потребности, то есть запрограммированные природой: в утолении голода, жажды, в размножении, сне и т.д. Естественно, удовлетворение каждой из них превращается в соответствующее биологическое удовольствие. А так как эти потребности являются возобновляющимися, у немалой части носителей обыденного сознания появляется иллюзия возможности умножения удовольствий: получать их как можно больше и как можно чаще. Мы говорим об иллюзии, так как при возведении подобного устремления в ранг жизненной цели начинает действовать обратно пропорциональная зависимость между силой устремления и полученными конечными результатами. И это является не парадоксом, а закономерностью, которая для носителя обыденного мышления не столь очевидна.

В реальной жизни чем больше человек находится в непосредственной погоне за удовольствиями, тем меньше их получает. Всемирно известный специалист по психологии В. Франкл в связи с этим писал: «Тот, кто провозглашает наслаждение как принцип, делает из него предмет форсированного намерения, тот не дает ему быть тем, чем оно должно быть: результатом. Но именно это превращение наслаждения как результата в наслаждение как объект намерения ведет к утрате самого наслаждения; принцип наслаждения разбивается о себя же самого. Чем больше человек нацелен на наслаждение, тем больше оно от него ускользает, и наоборот: чем больше человек стремится избежать неудовольствия, избежать страданий, тем больше он ввергает себя в дополнительные страдания; его эскапизм оборачивается против него» [8, с. 117].

В истории философии нет имен известных мыслителей, которые бы не интересовались проблемой удовольствий, наслаждений, радостей, счастья человеческой жизни (синонимы этого понятия использовались разные), но никто из них не пытался обосновывать философскую легитимность реализации и расширения диапазона биологических удовольствий в качестве оправдания короткого по историческим меркам пребывания *homo sapiens* на земле. Речь идет не о критическом отношении к ним, не об отрицании их необходимости, а о выявлении той планки возможностей их удовлетворения, преодолеть которую невозможно, а значит, и нецелесообразно к этому стремиться. Названная планка установлена природой – и каждый из нас в лучшем случае в течение жизни может приблизиться к ней, но не преодолеть.

Любая биологическая потребность, пока она не удовлетворена, является в той или иной степени мучением, страданием. И чем сильнее это страдание, тем больше удовольствия от удовлетворения потребности. В связи с этим заслуживают внимания рассуждения известного апологета доминирующей роли сексуальной

потребности в жизни человека З. Фрейда: «Чтобы увеличить возбуждение либидо, необходимо препятствие; и там, где естественные сопротивления удовлетворению оказываются недостаточными, там люди всех времен создавали условные препятствия, чтобы быть в состоянии наслаждаться любовью... В общем, конечно, совершенно верно, что психическое значение влечения повышается в связи с отказом от его удовлетворения» [10, с. 72]. Родоначальник психоанализа в данном контексте рассуждений прав. Но и, не прибегая к теоретизированию, каждый человек, способный к минимальному самонаблюдению, понимает, что чем больше было препятствий на пути к цели, тем больше положительных эмоций дарит ее достижение. И наоборот, все, что находится в постоянной доступности, перестает цениться. Человек, как и «братья наши меньшие», вписан в эту великую мудрость жизнеустройства, а следование ей и приближает в максимальной степени к планке биологических наслаждений, которые отмерены природой каждому из нас на жизнь в соответствии с генетической программой. Любые попытки перепрыгнуть эту природную планку удовольствий влекут за собой жестокое наказание со стороны этой самой природы. Она отнимает в перспективе гораздо больше удовольствий, чем удалось незаконно от нее получить.

Призывы экзистенциалистов к выбору поступков свободным индивидом подразумевают определенный уровень его образования, но еще в античные времена Гераклит констатировал, что «большинство живет не по логосу, а по своему разумению... Они во власти своих желаний. Люди, как и ослы, предпочитают солому золоту. Желания обыденных людей таковы, что людям не стало бы лучше, если бы исполнились все их желания» [12, с. 137]. Через века, несмотря на заметный научный прогресс, выдающийся французский мыслитель Монтень вынужден был остроумно иронизировать по этому поводу: «Оделяя нас своими благами, природа справедливее всего поступила при распределении между нами ума, ибо нет никого, кто бы не довольствовался доставшейся ему долей» [4, с. 299]. К сожалению, фраза Монтеня остается справедливой и по отношению к современному социуму. В процессе научно-технического прогресса сущностные характеристики человека не меняются – и дефицит или предел счастья конкретного представителя рода человеческого, как и прежде, связан с диапазоном и содержанием его духовных потребностей, которые формируются образованием.

Гедонизм и образование: философский дискурс

Ретроспектива философского осмысления проблемы свидетельствует, что мыслители увязывали ее решение в той или иной степени со смыслом жизни человека, то есть с потребностью и способностью самосознания задавать вопросы о собственном предназначении, о ценности в связи с этим проживаемых мгновений и, соответственно, находить приемлемые ответы. Вероятность приближения к истине в этих ответах соответствует уровню образованности человека. В работах мыслителей данный уровень фиксируется в синонимических ему терминах: «возможности мышления», «мудрость», «благоразумие», «самое ясное сознание», «творческие способности» и т.п. Естественно, что подобному результату развития человека предшествует процесс, обозначенный нами как образование. Поэтому мы можем рассматривать размышления философов в этом русле соответствующими контексту заявленной темы исследования.

Потребности, которые не заданы природой, а порождены развитием сознания и самосознания в процессе образования и превращают человека как биологическое существо в *homo sapiens*, в свою очередь этим же самосознанием актуализируются и располагаются на различных уровнях духовной иерархии ценностей. И чем актуальнее конкретная нереализованная духовная потребность, тем мучительнее страдания осознающего проблему индивида и, следовательно, тем активнее мотивация действий, направленных на удовлетворение этой потребности. И уровень удовольствия, радостного эмоционального переживания от процесса и положительного результата действий, естественно, соответствует высоте иерархической ступени актуальности реализуемой духовной потребности. Общеизвестна легенда о гениальном греческом ученом Архимеде, который во время купания в ванной открыл закон соответствия объема вытесненной жидкости объему погруженного в нее тела. Он испытал такой восторг открытия, что «во всю прыть кинулся в костюме Адама на площадь с воплями: “Эврика!”, “Я открыл!”» [5, с. 213]. Эта легенда потому и вписалась навечно в историю, что релевантно свидетельствует об эмоциональном пике человеческого счастья, которое испытывается при успешном творческом процессе.

Оппонент может констатировать, что подобные счастливые миги удовлетворения духовных потребностей уравниваются соответствующими интеллектуальными, творческими муками, которые не всегда приводят к желаемым результатам. Да, эти проблемы создаются сознанием, мышлением человека. З. Фрейд по этому поводу заявлял: «Большую долю вины за наши беды несет наша так называемая культура; мы были бы гораздо счастливее, если бы от нее отказались и вернулись к первобытному состоянию» [9, с. 42]. Критикуя в этом контексте культуру, Фрейд ведет речь о разрушении гармонии животного существования «братьев меньших» и наших доисторических предков, еще не отягощенных вопросами развивающегося самосознания и связанной с ним культуры. В философской антропологии проблемность человеческого существования, порожденная развитым самосознанием, исследована достаточно широко и многогранно. Можно даже сказать, что сама философия питается этой проблемностью. Как только человек задал вопрос «Кто я?» и отделил себя от природы, у него возникло множество вопросов по поводу непонятого окружающего мира и самого себя. Естественно, самыми актуальнейшими были вопросы, касающиеся собственного существования. На некоторые из них окончательного успокаивающего ответа не существует. К таковым относится, например, проблема

осознания неизбежной смерти каждого пришедшего в этот мир (у животного подобного беспокойства нет). Сознание не может согласиться с такой перспективой и одновременно не испытывать дискомфорта по этому поводу. Одним из вариантов снятия этого дискомфорта является религиозная вера. Образно о трагизме переживания своей смертности и спасении от него в вере писал французский философ Габриэль Марсель, изображая жизненный путь как билет, на котором начертан смертный приговор, причем место, дата и способ казни в нем не проставлены. Но он верит, что, когда пробьет урочный час, у человека есть основания испытывать «легкость странника, затягивающего свой дорожный мешок, в то время как за запыленным окном начинается разливаться едва уловимая заря!» [3, с. 86]. Теология, обещая бессмертие в раю, увязывает с ним требования к земному пути человека, которые, как и в философии, приобретают значимость нравственного смысла жизни. Благодаря служению Богу, выполняя его заповеди, искренне верующий удовлетворяет высшую потребность сознания в обретении главной жизненной ценности. Насколько значимой является реализованная потребность, настолько велико положительное эмоциональное переживание индивида от ее удовлетворения. Уверенность в рае на небе превращает его жизнь в рай на земле.

Философский дискурс, в отличие от религии, анализируя человеческие проблемы (потребности), порожденные развитием сознания, во все времена пытался их решать (удовлетворять) с помощью этого же сознания. Так, представитель экзистенциализма Ж.-П. Сартр считает, что мышление не имеет права абстрагироваться от собственных возможностей и решений. «Даже если бы Бог существовал, – пишет он, – это ничего бы не изменило... Это не значит, что мы верим в существование Бога, – просто суть дела не в том, существует ли Бог. Человек должен обрести себя и убедиться, что ничто не может его спасти от себя самого, даже достоверное доказательство существования Бога» [6, с. 344].

Как нельзя человеку перестать знать то, что уже знает, так невозможно ему вернуться в «первобытное состояние», которое Фрейд называл счастливым. Но у нас есть все основания, сравнивая «масштабы» счастья доисторического предка и современного образованного *homo sapiens*, констатировать, что именно сознание, вырвавшееся за границы инстинктов и поместившее своего носителя в мир интеллектуальных мучений, открыло перед ним новые горизонты наслаждений. Он не лишился биологических потребностей и соответствующих удовольствий от их удовлетворения. Более того, человек их окультурил, эстетизировал в своих интересах и, как было рассмотрено выше, благодаря осмыслению способен в максимально возможной степени приблизиться к гедонистической планке, установленной природой. Все, что выше этой планки, является не чем иным, как процессом и результатом удовлетворения актуальных духовных потребностей, которые приобретены в ходе образования (обучения и воспитания) человека. Здесь слово «образование» красноречиво в буквальном смысле: человек не существовал, а через учебу образовался.

И чем больший путь прошло это «человеческое образование», тем больше у индивида появилось точек соприкосновения с непознанным, а значит, вопросов и запросов к самому себе и к окружающему миру. Он обречен получать духовные наслаждения, выражаясь математическим языком, пропорциональные уровню развития интеллекта, нравственной и эстетической культуры. И чем сложнее, актуальнее, мучительнее созданная развитым сознанием проблема, тем ценнее ее успешное решение, тем мощнее и многограннее в этом случае переживаемые положительные эмоции. Убери человеческое сознание – исчезнут порожденные им потребности (мучения), а вместе с ними и сопутствующие им радости. Психика вернется к счастливой гармонии животного существования, не подозревая, что есть нечто большее, чем биологические удовольствия. Мы же ведем речь о человеке, который вкусил это большее и возвращаться назад не хочет и не может.

Уже в Античности философы увязывали возможность счастливой жизни не только и не столько с телесными наслаждениями, сколько с развитием в процессе обучения умственных способностей, позволяющих отличать добро от зла и совершать поступки в соответствии с мудрым и, значит, нравственным выбором. Так, Эпикур, приобретший в истории философии славу ортодоксального гедониста, однозначно презентует мудрость как главное неотъемлемое условие истинно счастливой жизни: «Величайшее благо есть благоразумие... От благоразумия произошли все остальные добродетели; оно учит, что нельзя жить приятно, не живя разумно, нравственно и справедливо, и наоборот, нельзя жить разумно, нравственно и справедливо, не живя приятно. Ведь все добродетели по природе соединены с жизнью приятной, и приятная жизнь от них неотделима» [15, с. 128]. В этом контексте необходимо обратить внимание на удачное использование термина «благоразумие», звучание которого подразумевает разумение блага, то есть добра. Решения разума и соответствующие ему поступки могут претендовать на истинность при условии нравственных мотивов и результатов. Эта взаимосвязь красной нитью проходит через всю философско-этическую традицию поиска объективных критериев истинного человеческого счастья, и в определении иерархии потребностей мнения мыслителей не расходятся. «В такой умственности, – считает А. Шопенгауэр, – проявляется самое ясное сознание, а потому и мир воспроизводится яснее и полнее, чем где-либо. Одаренный ею человек обладает поэтому благороднейшим и драгоценнейшим сокровищем на земле и имеет чрез это такой источник наслаждений, перед которым все остальные ничтожны» [14, с. 38].

У человека нет иного инструмента для приближения к истине, кроме собственного сознания. А высота планки его развития соответствует, образно выражаясь, образовательному пути, пройденному от «первобытного состояния». И это пройденное расстояние у разных людей разное. Ему соответствует предел возможности постановки и осмысления сложных жизненных проблем. Поэтому у представителей рода человеческого наблюдается широкий диапазон «образов жизни», начиная от вариантов, оскорбительных даже

для «братьев меньших», и заканчивая вершинами духовности, достойными обожествления. И масштабы счастья измеряются соответственно высотами этих достигнутых в процессе образования вершин. Бенедикт Спиноза в своей «Этике, доказанной в геометрическом порядке...» приходит к однозначному выводу, что «удовольствие есть переход человека от меньшего совершенства к большему» [7, с. 473]. Людей же, которые ни о чем не думают, кроме честолюбия и богатства, он относит к определенной группе сумасшедших и сожалеет, что подобные виды сумасшествия не причисляются к болезням. Религиозные учения таких сумасшедших относят к ошибающимся в смысле человеческой жизни. Но и без претензий на абсолютную (божественную) истину уровень философского осмысления жизненных ценностей определяет подобные устремления как низшие, недостойные разумного человека. Поэтому этот тип людей Спиноза относит к черни и помещает в самом низу как гедонистической, так и социальной лестницы: «В сокращенном виде деньги представляют все вещи. Отсюда и произошло, что их образ обыкновенно всего более занимает душу черни, так как они едва ли могут вообразить себе какой-либо вид удовольствия без сопровождения идеи о деньгах как причины его» [Там же, с. 556].

Мы же вынуждены пока констатировать перманентное существование подобной «черни», не верящей в Бога и неспособной задавать себе сложных смысложизненных вопросов. Несмотря на научно-технический прогресс, снявший сегодня проблему биологического выживания, добыча средств для которого была жизненной целью первобытного человека, в сознании определенной части наших современников сохраняется психический атавизм, обрекающий рассматривать деньги и вещи в качестве главной цели жизнедеятельности. Когда проблемы выжить не существует, подобная ситуация выглядит абсурдной даже для адекватного обыденного мышления.

Сущее и должное в современном российском образовании

Крупнейший мыслитель XX века Эрих Фромм, анализируя потребности и устремления индивидов современного западного общества, делит их на «иметь» и «быть». Свою значимость первые определяют тем, что они имеют, вторые – тем, что они представляют как личности, кем они являются. Несчастье первых заключается в том, что их ощущение самооценности связано с внешним обладанием. Человек оказывается идентичен вещам. Их утрата превращает подобного индивида в ничто. Человек же экзистенциального бытия самоценен сам по себе: он самостоятелен, оптимистичен, креативен, работоспособен, нацелен на творчество; в нем есть счастливое ощущение нравственного смысла его жизни, значимого не только для него, но и для окружающего мира. Такое мировоззрение является результатом обучения и воспитания индивида, а количество его носителей, естественно, зависит от существующих общественных отношений и от характера системы образования в стране. В характеристике же современного западного общества в этом контексте Эрих Фромм обоснованно пессимистичен: «Его члены превратились в безликие инструменты, их главная ценность состоит в причастности к огромному концерну, и индивидуальный примитивизм скрывается за корпоративной принадлежностью определенному клану. Рыночная личность не умеет любить и ненавидеть... Ведь эмоции, как правило, мешают рыночной личности в достижении главной цели: удачно купить, продать или поменять» [11, с. 227].

И государство как институт власти заинтересовано в подобной направленности ценностной ориентации общественного сознания, так как девальвация духовности, упрощение ее до сугубо материальных потребностей облегчают управление социумом. Поэтому и в России в постсоветский период задача воспитания строителя коммунизма сменилась задачей формирования «цивилизованного потребителя». На эту установку работает вся пропагандистская машина государства, в том числе система образования. Еще в первой половине XIX века шеф жандармов А. Х. Бенкендорф заявлял: «Не должно слишком торопиться с просвещением, чтобы народ не стал по кругу своих понятий в уровень с монархами и не посягнул тогда на послабление их власти» [Цит. по: 2, с. 603]. Но если перед царскими чиновниками стояла задача «не торопиться с просвещением», то в постсоветский период господствующий класс решает более сложную проблему: через реформу образования упростить людей, чтобы они, как говорил Фромм, «превратились в безликие инструменты». Ощущение силы и власти позволяет его представителям открыто декларировать поставленную цель. «Вся модель образования, от детских садов и до вузов, – заявляет Герман Греф, – должна быть изменена! Мы пытаемся сегодня воспроизводить старую советскую абсолютно негодную модель образования, напихивание детей огромным количеством знаний» [Цит. по: 13].

Ограничение потребностей «цивилизованного потребителя» биологическими и материальными равносильно возвращению его, как нами рассмотрено выше, к счастью животного, не подозревающего, что в единственной и неповторимой жизни есть и упущено нечто неизмеримо большее. Подобное видение современной политической элитой смысла жизни «серой массы» и навязывание его через систему образования свидетельствуют о внутреннем моральном дефекте как представителей этой элиты, так и лоббируемых ею общественных отношений. Так как история государства на планете Земля связана с войнами и с извечным противостоянием, в девальвации духовности современного российского социума заинтересован наш вероятный противник, так называемые «западные партнеры», ведущие сегодня «третью мировую психологическую войну». Поэтому на реформу образования в России ими в свое время были выделены ресурсы, а фонд Сороса профинансировал разработку и издание учебников истории [1]. В природном и социальном мире все явления и процессы взаимосвязаны. Отнесение ряда дисциплин школьной программы к необязательным лишило выпускника средней школы целостного мировоззрения и возможности убедиться в реальных способностях для успешной творческой деятельности на том или ином профессиональном поприще. А введение единого государственного

экзамена и современная цифровизация перенаправили учебный процесс из русла развития творчества на начетничество и заучивание «нужных ответов» на поставленные вопросы.

Каждый физически и психически здоровый человек потенциально талантлив в какой-либо сфере жизнедеятельности. В процессе заинтересованной учебы в широком диапазоне знаний (изучаемых дисциплин), как это и должно происходить в школьные годы, выявляется спектр способностей школьника и, соответственно, его будущих возможностей. Становление и развитие личности подразумевает познавательную деятельность не в узком секторе, а во всех предметных направлениях. Только при этом условии возможно с максимальной достоверностью определить наличие способностей к тому или иному, уже конкретному, роду деятельности. В противном случае будущие выпускники школ становятся марионетками рекламы «престижных» профессий, зауживают под них изучение «нужных» предметов. В итоге не только возрастает вероятность ошибки в выборе будущей профессии, но и страдает развитие индивида как личности. Куцее, а значит, искаженное мировоззрение, отсутствие широкого культурного кругозора и соответствующих ему духовных потребностей не позволяют с максимальной эффективностью осуществлять профессиональную деятельность и обеспечить полноту и счастье индивидуальной жизни. Опрос первокурсников свидетельствует, что сегодня молодой человек может окончить среднюю школу, вообще не читая художественную литературу и не интересуясь окружающим его социальным и природным миром. При этом страдает не только рациональная, но и эмоциональная сфера сознания: человек ограничен в возможности воспринимать и испытывать широкий диапазон эстетических удовольствий от различных произведений искусства.

Так как речь идет об образовании, касающемся большинства населения, перспективу изменения ситуации в интересах этого самого большинства можно связывать с формированием гражданского общества, способного влиять на принятие решений субъектами власти. Беспокойство о будущем страны в этом контексте проявляется не только в общественном мнении, но и в заявлениях, публикациях общественных деятелей, ученых, школьных учителей и преподавателей вузов. Но их «весовой категории» пока недостаточно для решающего влияния на перманентную реформу российского образования. Поэтому ситуация, порожденная идеологией и политикой формирования «цивилизованного потребителя» по западному образцу, заставляет родителей, школьников, студентов обостренно ставить перед собой проблему нравственного выбора и отвечать на извечный вопрос: «Зачем и как жить?». Этот выбор имеет экзистенциальный характер, так как определяет судьбу и счастье индивида – и отвечает за него сам человек, ибо бесполезно обвинять в бессмысленной жизни систему образования или субъектов власти. Ситуация выбора и ответственности актуализирует проявление самостоятельности и инициативы при движении по руслу образовательного процесса в интересах успешного саморазвития. Творчество на этапе учебы повышает вероятность будущей творческой самореализации личности как на профессиональном, так и на других поприщах жизнедеятельности. Потребность в нравственном смысле жизни является отличительной чертой российского национального самосознания. Об этом свидетельствуют отечественная философия и классическая художественная литература, трактующие счастливую жизнь как осмысленную и имеющую высшее – нравственное – оправдание.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие основные выводы.

1. Так как удовольствия есть процесс и результат удовлетворения актуальных потребностей, для «хомо сапиенс», кроме биологических, лимитированных природой, открыт безграничный диапазон формирования и удовлетворения духовных потребностей, гедонистическая иерархия которых коррелирует с уровнем развития интеллектуальной и эмоциональной сфер сознания.

2. Образование как система обучения и воспитания оказывает решающее влияние на формирование не только профессиональных качеств, но и духовных ценностей, определяющих отношение человека как к самому себе, так и к окружающему миру.

3. Так как человек является не средством для реализации внешних для него целей, а высшей целью и ценностью, прогрессивную перспективу российского образования (и самой России) можно связывать с формированием не «цивилизованного потребителя», а творца нравственного смысла жизни как высшей ценности для самого индивида и для социума.

Результаты, полученные в процессе решения задач исследования, актуализируют необходимость научной дискуссии и принятия практических мер по активизации нравственного фактора в культурной политике государства и разворачиванию вектора современного образования на развитие творческого мышления индивида как условия созидания достойной человеческой судьбы.

Источники | References

1. Гончарук Д. Фонд Сороса может стать нежелательным // Парламентская газета. 2015. 4 июня.
2. Зуев М. Н. История России. М.: ПРИОР, 2000. 720 с.
3. Марсель Г. Ты не умрешь. СПб.: Мирь, 2008. 96 с.
4. Монтень М. Опыты. М.: Правда, 1991. 656 с.
5. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность. СПб.: Петрополис, 1994. 336 с.

6. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм - это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1979. С. 319-434.
7. Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке // Спиноза Б. Избранное. Мн.: Попурри, 1999. С. 313-590.
8. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
9. Фрейд З. Неудобства культуры. СПб.: Азбука, 2014. 192 с.
10. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. М.: Система, 1989. 83 с.
11. Фромм Э. «Иметь» или «быть». М.: АСТ МОСКВА, 2010. 314 с.
12. Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии. М.: Высшая школа, 1981. 374 с.
13. Чуйков А. 38 цифровых попугаев // Аргументы недели. 2021. 21 апреля.
14. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. Мн.: Консен-Универсал, 1998. 256 с.
15. Эпикур. Эпикур приветствует Менекея // Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир - эпоха Просвещения. М.: Политиздат, 1991. С. 125-128.

Информация об авторах | Author information

RU**Кулешов Валерий Ермолаевич¹**, д. филос. н., проф.¹ Тихоокеанское высшее военно-морское училище имени С. О. Макарова, г. Владивосток**EN****Kuleshov Valerii Ermolaevich¹**, Dr¹ Pacific Higher Naval College named after S. O. Makarov, Vladivostok¹ valkulesh@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.07.2021; опубликовано (published): 15.09.2021.

Ключевые слова (keywords): гедонизм; потребности; творчество; удовольствие; образование; смысл жизни; духовность; hedonism; needs; creativity; pleasure; education; life's purpose; spirituality.